

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

УДК 141.201

И.Н. Инишев

ПОНЯТИЕ МИРА В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ (СООТНОШЕНИЕ МИРА И ВЕЩИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ГУССЕРЛЯ И ХАЙДЕГГЕРА)

Институт европейской культуры, г. Минск, Республика Беларусь

Тематика соотношения мира и вещи в феноменологических исследованиях допускает двойное истолкование. Во-первых, она может рассматриваться как частная проблема в рамках феноменологического анализа предметного региона «действительность», во-вторых, – как постановка вопроса о «вещи феноменологии» с прицелом на конкретизацию известной феноменологической максимы. Между тем две эти перспективы, как нам представляется, следует объединять в одну, поскольку характер взаимосвязи между вещью и миром в конечном счете затрагивает саму трактовку феномена.

Идея феноменологии как универсальной, специфически философской постановки вопросов предполагает релевантный предметный континуум, который, в соответствии со своими основополагающими характеристиками, не допускал бы в плане своего освоения никаких позитивно-научных (или, попросту, нефеноменологических) исследовательских подходов. Возможно, есть основания утверждать, что подобное достигается благодаря радикальному пересмотру традиционного понимания соотношения «мира» и «вещи». Пересмотр этот состоит в противопоставлении двух принципиально различных трактовок феномена мира: мир как *совокупность* «вещей» и как медиально-трансцендентальный *горизонт*. Выражение «горизонт» при этом маркирует феноменологическую, или специфически философскую, точку зрения, особенности которой проявляются в толковании соотношения мира и «внутримировой» вещи в порядке исполнения опыта и онтологического генезиса. Понятие мира как совокупности объектов имплицитно (в рамках взаимосвязи вещи мира) приоритетное положение единичных объектов. В этом случае мир – квантитативное понятие: мыс-

лимый *предел* (все объекты). В понятии мира как медиально-трансцендентального горизонта, напротив, заключается не только *сущностная* (т.е. априорная) взаимосвязь между вещью и миром, но и приоритетность последнего в определении этой взаимосвязи. Руководствуясь этой предпосылкой, рассмотрим положение проблематики мира в философских концепциях Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера.

У Гуссерля понятие мира как горизонта вводится в контексте феноменологического анализа восприятия. Восприятие как актуальный интенциональный акт с необходимостью включает в себя горизонт потенциальных интенциональностей. Горизонтная интенциональность не добавляется внешним образом к актуальной интенциональности, а представляет собой ее *конкретизацию*.

«Многообразие интенциональности... тематически не исчерпывается рассмотрением *cogitata* только как актуальных переживаний. Напротив, каждая актуальность имплицитно включает свои потенциальности, которые являются *не пустыми* (курсив мой. – И.И.) возможностями, а такими, которые *содержательно*, и притом в самом соответствующем актуальном переживании, *интенционально* (курсив мой. – И.И.) предначертаны...» [1, с. 46].

«Горизонтная интенциональность», как можно видеть, – результат поступательного развития стратегической исследовательской линии феноменологии. На это указывает «содержательность» и интенциональный характер горизонтов потенциальностей. Кроме того, содержательность подразумевает «предметный смысл», феномен в феноменологическом смысле.

«Мы говорим также, что любой горизонт можно расспросить и истолковать в отношении того, что в

нем заключено, раскрыть соответствующие потенциальности жизни сознания. Именно таким образом мы раскрываем предметный смысл, который в актуальном *cogito* имплицитно подразумевается лишь как простое обозначение. Этот смысл, *cogitatum qua cogitatum*, непредставим как нечто уже данное; он проясняется лишь посредством истолкования данного горизонта и горизонтов, постоянно вновь пробуждаемых» [1, с. 47].

В итоге, в поздних работах Гуссерля, прежде всего в *Картезианских медитациях* и *Кризисе европейских наук*, можно обнаружить следующие взаимосвязанные понятия горизонта:

1. *Внутренний горизонт*: предметные определения, которые актуально (т.е. наглядно) не воспринимаются, однако в определенном смысле восприняты вместе с тем, что дано актуально (феномен аппрезентации).

2. *Внешний горизонт*: предметное окружение, из которого восприятием вычленяется отдельный объект и которое тематически уже присутствует в актуальном переживании сознания.

3. *Универсальный горизонт*: совокупность всех возможных объектов опыта и мотивационных связей или собственно *мир*.

Из этого, пожалуй, следует заключить, что понятие горизонта у Гуссерля не тождественно понятию мира. Тем не менее Гуссерль утверждает наличие необходимой (т.е. феноменологически удостоверенной) связи между различными понятиями горизонта, а также приоритет универсального горизонта по отношению к внешнему и внутреннему горизонту и, стало быть, приоритетный характер мира.

И все же, как нам представляется, следует констатировать следующее. То, что мир как важнейшая тема феноменологии появляется лишь в поздних работах Гуссерля, таких как «Картезианские медитации» и «Кризис», указывает на то, что исключительно *дескриптивный* характер феноменологии Гуссерля является в известной степени *декларативным*. Истоки этого – не только в привнесении в феноменологию вместе с идеей конституции элементов конструктивизма. Скорее, следует говорить о критическом потенциале мышления Гуссерля, о движении *самодеструкции*. Ведь последние из его сочинений носят программный характер, по-прежнему оставаясь «введениями в феноменологическую философию». Мыслительный путь Гуссерля можно охарактеризовать в большей степени как стремление обрести изначальное предметное поле феноменологической философии и куда в меньшей степени – как движение *в* нем.

Попытаемся обосновать данную характеристику более детальным анализом гуссерлевской трактовки соотношения мира и вещи. Трактовка этого

соотношения уже потому обладает «доказательной» силой, что она, как было сказано ранее, затрагивает принципиальное понимание феномена.

Прежде всего, обратимся к тезису Гуссерля о «содержательности» потенциальной (или горизонтной) интенциональности и ее связи с «предметным смыслом». Три понятия горизонта, если наше истолкование верно, образуют структурную взаимосвязь такого рода, что они представляют собой ступени *конкретизации*: внешний горизонт конкретизирует внутренний, а универсальный – внешний. Казалось бы, этот порядок должен быть порядком прироста содержательности, или «предметного смысла». Иными словами, *миру должно соответствовать полное понятие феномена в специфически феноменологическом смысле*. Ведь только в этом случае удастся вполне последовательно провести и обосновать принципиальную разницу между философским и естественнонаучным понятием мира. Эта разница в свою очередь является, возможно, единственным обоснованием идеи феноменологии в целом. Однако необходимо признать: на деле такой взаимосвязи трех горизонтов у Гуссерля мы не находим.

Это объясняется прежде всего тем, что не только универсальный и внешний, но и внутренний горизонты, с точки зрения самих феноменологических данных, характеризуются не содержательностью, а, напротив, *пустотой*. Отчасти на это указывает и сам Гуссерль, когда он, констатируя сущностную взаимосвязь между «предметным смыслом» и горизонтом, несколькими строками ниже говорит о «неопределенности» последнего [1, с. 47]. Универсальный горизонт, например, придает актуально воспринятой вещи формальный (хотя и необходимо принадлежащий ей) характер «быть вещью из мира». Но в таком случае не представляется возможным говорить о каком-либо приросте *предметных* определенностей.

Причину этого мы усматриваем в *модификации первоначальной феноменальной базы* феноменологических исследований. Отправной пункт феноменологических анализов восприятия в период после «Логических исследований» составлял единичный объект (или связь таковых). Интенциональный предмет, как неоднократно подчеркивал в «Логических исследованиях» Гуссерль, – не «вещь», а, скорее, логический субъект. К тому же не только тот, что лишь мыслится, но и тот, что *созерцается*. Для такого предмета, чтобы быть *данным*, достаточно быть «лишь подразумеваемым» в обиходной речи или повседневном действии. Его наглядное «наполнение» – если иметь в виду в первую очередь полноту *предметных* (если угодно, субстанциальных), а не просто доступных восприятию черт – следует охарактеризовать, скорее, как «опус-

тошение». К примеру, понимание речи включает в себе интегральную полноту опыта мира, в то время как чувственное восприятие отличается перспективностью и обилием случайных деталей. В речи и повседневном обиходе «вещи» испытываются в той полноте, структуру которой выражает «сигнивативная» (созерцательно пустая) интенция. Исполнение сигнивативной интенции переводит опыт в стадию «объективирующего схватывания», а предметный коррелят этого опыта превращает в сингулярный объект, что как раз и образует предпосылку для различения актуальной и потенциальной интенциональностей в гуссерлевском их понимании. Различение двух интенциональностей, как можно видеть, возникло на пути трансформации пропозиционального сознания в предметное, что, конечно же, не могло не иметь далеко идущих последствий. Самым существенным из этих последствий мне представляется привнесение натуралистических (объективистских) содержаний в феноменологические анализы Гуссерля. Симптомом этого, с моей точки зрения, служит взаимная несоразмерность двух интенциональностей. Состоит она в следующем. Если исходить из первоначально трансцендентального, или онтологического, характера интенциональности, то в отношении горизонтной интенциональности приходится констатировать, что она таковым как раз таки *не обладает*. Говоря иначе, предметные корреляты актуальной и потенциальной интенциональностей различны, несмотря на то, что обе эти интенциональности образуют аспекты единой структуры. Потенциальная интенциональность – это горизонт возможных *восприятий* единичной вещи (или вещей), но не тот горизонт, в направлении которого трансцендируются (соответственно, раскрываются) *предметно-содержательные (субстанциальные) определенности* «вещи».

Возможно, есть основания предполагать здесь наличие не двух аспектов единой интенциональной структуры, а *двух* типов переживаний интенционального сознания. Условно два эти типа интенциональной корреляции можно было бы терминологически различить следующим образом: с одной стороны, речь идет об интенциональности как (*пространственной*) *структуре опыта* и, с другой стороны, об интенциональности как (*смысловой*) *структуре предмета*. При этом, как нам кажется, в трансцендентальной феноменологии Гуссерля путеводной нитью феноменологического анализа выступает интенциональность в первом значении: интенциональность восприятия. Необходимость отличать ее от «предметной» интенциональности диктуется тем, что экспликация горизонтов восприятия не раскрывает «предметный (субстанциальный) смысл» воспринимаемого. Даже «описание» восприятия пространственной вещи, не гово-

ря уже об опыте предметов иной, непространственной природы, обнаруживает либо чисто формальные (присущие любому пространственному объекту), либо предельно эмпирические (связанные с материальной стороной данного экземпляра) характеристики, не затрагивая при этом «субстанциальности» вещи. Очевидно, что экспликация интенциональных структур нашего сознания отнюдь не приводит к достижению такого эффекта присутствия «вещи», который был бы сравним с непосредственностью каждодневного опыта, ориентированного скорее на различные «предметные смыслы» в разнообразных способах «данности», чем на объект восприятия. Это первенство непредметного «предметного смысла» удостоверяет себя и в трансцендентально-феноменологическом анализе. Вопреки утверждениям Гуссерля, есть основания полагать, что априори усматриваемые возможности восприятия пространственной вещи отнюдь не «конституируют» единичный предмет в полноте его предметных определенностей и материальных качеств. Напротив, континуум актуальных и потенциальных интенциональностей *конституируется* моментом подразумевания соответствующего «предметного смысла». Этот предметный смысл, или «материя акта», включает в себе весь радикализм феноменологического понятия вещи, или феномена. Феноменологический феномен в ходе своей экспликации оказывается у Гуссерля фундированным в единичном объекте. Вследствие этого задача достижения специфически философского понимания действительности трансформируется в «феноменологический анализ» восприятия мира как *совокупности* вещных объектов. Таким образом, приходится констатировать наличие в гуссерлевских анализах смешения двух *принципиально различных* трактовок мира – как *совокупности* и как *горизонта*.

Остается еще выяснить основание этой (невольной) модификации понимания феномена и, как следствие, утраты первоначальной тематической ориентации в трансцендентальной феноменологии Гуссерля. Но прежде рассмотрим, как проблема соотношения мира и вещи истолковывается у раннего Хайдеггера.

Для Хайдеггера проблематика мира сосредоточена в задаче экспликации способа бытия подручного средства, который, по его мнению, представляет собой изначальный способ бытия *всего* «внутримирового» сущего. Выражение «изначальность» (*Ursprünglichkeit*) означает здесь, что в отношении «подручности» как способа бытия все прочие бытийные способы характеризуются как его (экзистентные) модификации. Что касается взаимосвязи «подручного» сущего с миром, Хайдеггер констатирует следующее:

«Подручное встречается внутримирово. Согласно этому, бытие этого сущего, подручность, пребывает в некоторой онтологической связи с миром и мировостью. Мир во всем подручном всегда уже «здесь». Мир уже заранее, хотя и не тематически, открыт вместе со всем встречающимся. Но также он способен вспыхивать в известных способах обхождения с окружающим миром. Мир есть то, исходя из чего подручное подручно» [2].

Далее, в том же §18 «Бытия и времени» поначалу лишь декларированная «онтологическая связь» подручного средства и мира обретает свое полное феноменологическое удостоверение. В качестве бытия подручного сущего устанавливается отосланность (*Verwiesenheit*) [2, с. 84]. В «отосланности» сконцентрирована «служебность», представляющая собой не свойство, а сам способ бытия любого подручного средства. Данный способ бытия заключается в онтологической связи с другим средством и в конечном счете во взаимосвязи средств, что терминологически фиксируется как «*Bewandtnis*» (имение-дела; обстоятельство). Всякая же партикулярная *Bewandtnis* принадлежит целостности обстоятельств, или имени-дела (*Bewandtnisganzheit*). В итоге, бытие любого «средства» заключено во взаимосвязи онтологических отсылок, имеющих характер «для того, чтобы...». Эту взаимосвязь Хайдеггер называет значимостью (*Bedeutsamkeit*). «Значимость», в трактовке Хайдеггера, составляет «феномен мира», понимаемого как вариативная онтологическая структура, лежащая в основании любого партикулярного мира [2, с. 86].

Однако к числу наших целей не относится детальное изложение хайдеггеровских анализов мира. Мы попытаемся лишь вычленив в этих анализах основные характеристики взаимосвязи мира и вещи, как они понимаются на данном этапе экзистенциально-онтологического исследования, и рассмотреть их на фоне гуссерлевских анализов мира.

1. Отосланность как способ бытия средства подразумевает своеобразное трансцендирование предметных (содержательных, или сущностных) определений. «Предметность» средства не изолирована, а «простерта» из одного «подручного средства» в другое. В таком случае, если во «взаимосвязи средств» мы можем усмотреть явную параллель «горизонтной интенциональности» Гуссерля, то феномен горизонта у Хайдеггера действительно заключает в себе *прирост предметных определенностей*. Постигание средства не в изоляции, т.е. в качестве наличного объекта, а во взаимосвязи средств, конституируемой конкретным «имением дела», является примером полного (не

редуцированного) восприятия, предметный коррелят которого составляет вещь, обладающую отличительным способом данности. Таковую «вещь» Хайдеггер называет феноменом в феноменологическом смысле. Следовательно, горизонт у Хайдеггера в высшей степени *содержателен*, в то время как у Гуссерля – *пуст*.

2. Связь средства с системой «отсылок», т.е. с миром, характеризуется непосредственностью, буквально: отсутствием опосредующих звеньев. У Гуссерля связь между вещью и универсальным горизонтом опосредуется внутренним и внешним горизонтами, которые, как уже было замечено ранее, не связаны между собой как ступени конкретизации.

3. Из этого проистекает «открытость» (неопределенность) горизонта у Гуссерля и «замкнутость» (определенность, или содержательность) горизонта у Хайдеггера. Например, в лекции 1923 г. «Онтология (Герменевтика фактичности)» Хайдеггер отождествляет изначальный модус присутствия вещи (*Da-Charakter*) с ее принадлежностью взаимосвязям окружающего мира (*Um-Charakter*) [3]. Другими словами, Хайдеггер отождествляет здесь изначальную «вещность» с изначальной «мировостью».

4. «Горизонтность» у Хайдеггера охватывает собой как предметные определения мира, так и структуру опыта мира. У Гуссерля горизонтный характер обнаруживает лишь восприятие, точнее, переживание сознания, в то время как мир трактуется, по меньшей мере, в направлении *совокупности* объектов возможного опыта. В этом отношении, как нам представляется, гуссерлевская трактовка мира сближается с кантовской, согласно которой мир – это не предмет опыта, а регулятивный принцип его полноты. При этом, конечно же, нельзя отрицать, что Гуссерлев горизонт не просто полагается в качестве принципа, но созерцается, или «аппрезентируется».

5. В связи с этим нам представляется весьма показательным то, как определяется соотношение тематического и нетематического (сотематического) в феноменологических анализах мира у Хайдеггера и Гуссерля. У Гуссерля мир выступает лишь как сотематическое (аппрезентируемое). Причем таковым он остается как при тематизации отдельного объекта в контексте жизненного мира, так и в том случае, когда сознание *специально* направлено на сам горизонт мира.

«Вещи, объекты (понимаемые всегда в контексте жизненного мира) «даны» всякий раз (в каком-либо модусе бытийной достоверности) как значимые для нас, однако в принципе лишь таким образом, что они осознаны как вещи, как объекты в мировом горизонте. Любое, что бы то ни было,

есть нечто, «нечто из» мира, осознаваемого нами постоянно в качестве горизонта. С другой стороны, этот горизонт осознается только как горизонт для сущих объектов и *без отдельно осознанных объектов* (курсив мой. – И. И.) не может быть актуальным» [4, с. 146].

Основываясь на этом, пожалуй, следует заключить, что у Гуссерля «горизонтное» выступает лишь как синоним «нетематического» (в смысле сотематического, аппрезентированного, потенциального), задающего принципиальные (т.е. формальные) определенности того, что (и как) способно стать тематическим в контексте соответствующей взаимосвязи интенциональных актов. Само по себе данное обстоятельство не вызывает никаких возражений, однако у Хайдеггера мы встречаем существенно иное понимание горизонтности. Ведь в случае повседневного использования вещей тематическим для нас оказывается не то или иное «средство», а *взаимосвязь* «средств», разомкнутая соответствующим «экзистенциальным наброском», конкретным «имением дела». Из этого, однако, вовсе не следует, что отдельные вещи «аппрезентируются». Ибо взаимосвязь «средств» представляет собой онтологический (трансцендентальный) фундамент, а не отношение между наличными объектами. Предметная, или сущностная характеристика (и, соответственно, изначальный способ данности) любой «вещи» тождественна замкнутой взаимосвязи имени-дела. Следовательно, она трансцендируется в направлении целостности «онтологических отсылок», составляющей феномен мира в феноменологическом смысле. Мир и есть единственная субстанция (соответственно, *бытие*) «встречающихся» нам вещей и в этом смысле – *единственная вещь*, или дело феноменологии. «Горизонтность» у Хайдеггера представляет собой не «потенциальность», а подлинную актуальность. Этим обусловлено и то, что с самого начала на место «редукции» и «очевидности» у Хайдеггера заступают «формальное указание» [5] и «простое принятие к сведению обнаруживаемого» [6].

Таким образом, проблематика соотношения мира и вещи играет важную роль в феноменологических исследованиях, поскольку имплицитно в себе соответствующее понятие феномена и, как следствие, определение приоритетной тематической области. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что наше изложение проблематики мира и вещи у Гуссерля, очевидно, приводит нас в противоречие с нашими предпосылками. Последние же состоят в том, что горизонтное понимание мира с необходимостью ведет к установлению приоритета мира над вещью как в порядке протекания опыта, так и в порядке онтологического генезиса. И в этом, помимо прочего, должна состо-

ять специфика феноменологической постановки вопроса. Это обстоятельство, а также декларированное нами упущение Гуссерлем верного феноменального базиса вынуждают нас дополнить «компаративное» рассмотрение концепций мира в феноменологической философии «систематической» частью.

В соответствии с общими принципами имманентной критики, мы не должны заменять начальные основания критикуемой точки зрения собственными. Напротив, следует показать возможность иного направления развития первоначальной проблематики, причем «иное» должно быть не просто «альтернативным», но отвечающим самой «логике» исследуемого предмета. Поэтому отправной точкой на пути к утверждению тематического приоритета «мира» над «вещью» должна быть *интенциональность*. Этой теме был посвящен последний семинар Хайдеггера, состоявшийся ранней осенью 1973 г. в Церингене, одном из районов Фрейбурга.

Для Хайдеггера «центральным пунктом Гуссерлева мышления» [7, с. 373] оказывается тема категориального созерцания, разработанная в 6-м «Логическом исследовании», которое, по словам Гуссерля, в феноменологическом отношении является наиболее важным. В этом заключительном «Исследовании» Гуссерль конкретизирует интенциональность в контексте проблематики познания и истины. Итогом конкретизации выступает концепт категориального созерцания, который формируется Гуссерлем в контексте анализов чувственного созерцания. В чувственном созерцании воспринимаются «сами чувственные данности».

«Однако вместе с этими чувственными данными в восприятии происходит обнаружение (*Sichtbarwerden*) предмета. Предмет не дается в чувственном впечатлении. Предметность предмета не может быть чувственно воспринята. Суммируя сказанное: факт, что предмет является предметом, пристокает не из чувственного созерцания» [7, с. 374].

Предметность предмета, говоря языком метафизики, есть *субстанция*, которая не может быть дана в чувственном восприятии. Однако поскольку вещь все-таки *воспринимается*, то в таком случае следует говорить о некоем вне- или сверхчувственном видении. Термин «категориальное созерцание» недвусмысленно указывает на то, что «категория» (предметность предмета, «сама вещь») воспринимается столь же непосредственно, как и чувственные данности в чувственном созерцании.

«Выражение категориальное созерцание, по сути, говорит о том, что категория – это больше, чем форма. Строго говоря, категориальное созерцание означает: созерцание, позволяющее усмат-

ривать категорию; или: созерцание, направленное непосредственно на категорию.

Посредством выражения “категориальное созерцание” Гуссерлю удастся мыслить категориальное как данное» [7, с. 375].

Предметность предмета (субстанциальность вещи) есть коррелят интенционального акта как акта категориального. Предметный коррелят категориального созерцания не может быть явлен в чувственном созерцании, однако в этом своем «не явлении» он делает возможным явление любого чувственного объекта. «В этом смысле можно сказать даже, что она [субстанциальность] есть в большей мере являющееся, чем само явившееся» [7, с. 377]. Таким образом, то, что мы, собственно, *видим* в любом видении, – это категория (субстанция, вещь). Любое видение, как чувственное, так и «интеллектуальное», пронизано категориальным созерцанием, которое делает возможным явление любого «объекта». Гуссерль рассматривает измерение «категориального» как измерение подлинно, или безусловно, являющегося, т.е. как феномен в специфически феноменологическом смысле. В соответствии с этим в § 6 лекционного курса 1925 г. «Пролегомены к истории понятия времени» Хайдеггер, резюмируя гуссерлевские исследования интенциональности в «Логических исследованиях», приводит свою типологию интенциональных актов, содержащую лишь разновидности категориального созерцания. Категориальное созерцание и есть интенциональность, рассмотренная в своей полноте.

Важнейшим выводом этого анализа интенциональности, на наш взгляд, является то, что феномен в феноменологическом смысле, а следовательно, предметный коррелят интенционального акта уже не может быть *отдельно воспринимаемой* вещью, единичным объектом. Из этого следует также, что само (тематическое) восприятие не способно выступить в качестве интуитивной основы феноменологических рассматриваний, поскольку предметным коррелятом тематического восприятия может быть только отдельный, в аспекте своих (чувственных) признаков индивидуализированный объект или совокупность таковых.

Однако легко видеть, что гуссерлевская трактовка интенциональности с начала и до конца остается ориентированной именно на восприятие. Следовательно, сам интенциональный предмет, или *феномен*, понятый как «категория», *из самого себя* требует для своей последовательной экспликации иного, соразмерного ему *опыта*. Таковой обнаруживается у Хайдеггера в виде упоминавшегося уже «осмотрительного озабоченного устройства» (*das umsichtige Besorgen*). Это последнее характеризуется Хайдеггером как до-теоретический подход к сущему, из чего следует, что «естественная установка» Гуссерля, напротив, представляет собой специфически теоретический (т.е. в известном смысле «противоестественный») подход к сущему.

В повседневном *обхождении* (*Umgang*) с вещами, с одной стороны, они воспринимаются в аспекте своей субстанциальности (в аспекте своей содержательной полноты), т.е. исключительно как «категории», с другой стороны, это восприятие не является родом тематизации в чувственном созерцании (через наглядное представление отдельных вещей). Повседневному обращению с вещами, которое никогда специально не сосредоточивается ни на одной единичной вещи, присуще, однако, свое собственное видение, которое Хайдеггер выражает в слове *Umsicht*, *осмотрительность*. «Кружной» характер *смотрения* указывает здесь на само *тематическое* – мир. Понятый в специфическом смысле целостности «обстоятельств», или «имения-дела» (*Bewandtnisganzheit*), он сосредоточивает в себе все предметные определения «сотематических» вещей, являясь, тем самым, их подлинной субстанцией. Стало быть, категории, усмотренные Гуссерлем в качестве феноменов, должны быть постигнуты на соразмерной опытной почве как категориальная, или онтологическая, *целостность*, которая, в сущности, и есть мир в феноменологическом, или специфически философском, смысле, – приоритетный феномен и подлинно **тематическое** феноменологии. Тем самым, вещь феноменологии оказывается мир, понимаемый как бытие: как субъектно-объектно индифферентная, или медиально-трансцендентальная, «открытость».

Поступила в редакцию 29.11.2006

Литература

1. Husserl E. Cartesianische Meditationen. Felix Meiner Verlag, Hamburg, 1992.
2. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1993.
3. Heidegger M. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität). Gesamtausgabe, Bd. 63. Frankfurt/M., 1988.
4. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Felix Meiner Verlag, Hamburg, 1992.
5. Heidegger M. Phänomenologie des religiösen Lebens. Gesamtausgabe, Bd. 60. Frankfurt/M., 1995.
6. Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Gesamtausgabe, Bd. 20. Frankfurt/M., 1979.
7. Heidegger M. Seminare (1951–1973). Gesamtausgabe, Bd. 15. Frankfurt/M., 1986.